

сказъ о смерти молодого, прекраснаго тѣломъ и душой ангела или героя, который потомъ воскресаетъ, и есть соответствующіе дни печали и праздники радости. Всюду на свѣтѣ есть исторія воплощенія бога на землѣ, причѣмъ онъ родится чудеснымъ, мистическимъ образомъ отъ дѣвы. Между прочимъ много общаго съ христіанской легендой рожденія Іисуса представляетъ разсказъ о рожденіи Будды: въ имени матери Будды, Майя, есть даже созвучіе съ іудейской Марьямъ.

Очень старинна вѣра, что грознаго Бога можно умилостивить кровавой жертвой. Исторія Авраама представляетъ откровенное признаніе, что израильтяне допускали жертву первенца. Греческая религія съ особенной любовью изображаетъ бога или святого, благодѣтеля людей, проливающего кровь для ихъ спасенія или исцѣленія. Такимъ искупителемъ рода человѣческаго является Прометей, пригвожденный къ скалѣ, которому коршунъ терзаетъ сердце; другой спаситель человечества, Гераклъ, сынъ верховнаго Бога, избавляетъ Прометея отъ страданій. Въ греческой же религіи есть прототипъ Христа, сына Божія, нисходящаго на землю и приносящаго себя въ жертву. Такииъ страждущимъ богомъ былъ Діонисъ-Загрей, рожденный отъ Кормы (Дѣвы); его терзаютъ и мучатъ злые враги, онъ истекаетъ кровью и его разрываютъ на части, но Отецъ его небесный, высшій Богъ, отдавшій его на жертву, совершаетъ чудо и воскрешаетъ его.

Образъ праведника, гибнущаго безвинно и принимающаго на себя грѣхи другихъ, издавна привлекалъ проповѣдниковъ и мыслителей. Пророкъ Ісаія говоритъ о великомъ страдальцѣ: „истинно, онъ пріялъ на себя наши страданія. Мы считали его несущимъ удары и муки отъ Бога; но онъ израненъ ради нашихъ злодѣяній и разбитъ изъ-за нашихъ грѣховъ. На него обрушилась кара для того, чтобы мы испытали миръ, и мы исцѣлены его ранами. Мы служили, какъ овцы; но Богъ сложилъ всѣ наши грѣхи на него. Когда его казнили и мучили, онъ безмол-

ствовалъ, какъ агнецъ. Онъ погребенъ, какъ безбожники, хотя онъ никому не сдѣлалъ зла, и не было обмана въ его устахъ“. Ту же цѣль—изобразить невинно страдающаго справедливаго—встрѣчаемъ мы у греческаго философа Платона (въ книгѣ „о Государствѣ“): „въ неизвѣстности и презрѣннй ведетъ праведникъ жизнь, полную мученій. Наконецъ, онъ подвергается бичеванію, пыткамъ, его бросятъ въ темницу, ослыбляютъ и, послѣ всѣхъ страданій, привождяютъ къ дереву (или распинаютъ)“.

Такимъ образомъ, задолго до христіанства былъ выраженъ основной мотивъ драмы, изображенной въ евангеліяхъ. Но, можетъ быть, оригинальны термины, выраженія, формулы Нового Завѣта?—Нѣтъ, и этого нельзя сказать. Слова „Спаситель міра“ „евангеліе, или благая вѣсть“ „пришествіе во свѣтъ“ (по-гречески *парусія*), всѣ эти магические звуки, примѣненные христіанствомъ, составляютъ заимствование, подражаніе официальному языку государства. „Спасителемъ“ (Сотеромъ, Сальваторомъ) назывался императоръ, отчасти въ томъ духѣ, какъ у насъ Александръ названъ Благословеннымъ, или еще раньше Владиміръ—Святымъ. Только римскіе императоры были настоящимъ позднѣйшихъ европейскіхъ, ставили себя всюду статуи и требовали куреній, жертвъ и божескихъ почестей. Роль спасителей они играли съ большимъ шумомъ и блескомъ. „Евангеліемъ“ называлось посланіе или приказъ государя; такимъ же способомъ обозначались всякаго рода вѣсти о придворныхъ событіяхъ. Напр., о днѣ рожденія Августа было написано на официальной памятной дощкѣ: „это событіе будетъ началомъ ряда евангелій (т.-е. важныхъ знаменій) для страны“. Парусія, выраженіе приимавшее въ Новомъ завѣтѣ къ Христу, давно существовало въ качествѣ канцелярскаго выраженія для приѣзда самодержца.

Обряды, принятые христіанствомъ, также не представляютъ ничего новаго и оригинальнаго. Ограничимся однимъ примѣромъ. Важнѣйшій обрядъ христіанства, причащеніе

тлѣть и кровью Спасителя, воспроизводитъ обычай, распространенный въ самыхъ разнообразныхъ видахъ у всѣхъ народовъ міра. Этнологи видятъ въ немъ одну изъ формъ андоганинизма, т.-е. такой транссы, когда вкушаютъ тѣло не врага, а друга, родственника или покровителя, чтобы обезпечить себѣ счастье, богатство, блаженство, исцѣленіе и т. д.

Есть очень опредѣленные указанія на то, что въ этомъ обрядѣ первоначально заключалась самая реальная правда. Сохранились рассказы объ умерщвлении царя или верховнаго жреца, т.-е. самаго цѣннаго существа племени, при чемъ вѣрующіе раздѣляли между собою его кровь. Еще не такъ давно люди племени гондовъ въ Индіи похищали дѣтей высшей касты, браминновъ, чтобы во время пощѣвъ убить аристократическаго ребенка среди жестокихъ мукъ, вкусить его крови и окропить его кровью поле ради урожая. Со смягченіемъ нравовъ реальное людоедство замѣнялся вкушеніемъ жертвеннаго животнаго, напр., агнелка или фигуры, выпеченной изъ тѣста, въ видѣ каравая или пряника. Несмотря на такую замѣну, старая жестокая идея сохранилась въ полной силѣ; для своего спасенія, для своего блаженства вѣрующіе принимаютъ участие въ мнѣическомъ пиществѣ, гдѣ поглощаютъ своего бога-покровителя. Очень интересную параллель къ христіанскому обряду причащенія и къ символу креста представляетъ старинная языческая Мексика; тамъ выносили фигуру бога-спасителя изъ тѣста и притворяли её ко кресту, который назывался „древомъ нашей жизни и плоти“; затѣмъ снимали фигуру, ломали хлѣбный символъ и вкушали его въ видѣ священной цѣлительной пищи.

Когда раннія христіанскія общины установили у себя свхаристію, онѣ не внесли новаго обряда, напротивъ, ско-рѣе оживили старинные народные обычай, которые стали приходить въ упадокъ.

Ничего новаго и чрезвычайнаго не заключаетъ въ себѣ и нравственное учене христіанства. Тотъ взглядъ, бу-

то бы на свѣтъ нѣтъ болѣе высокой морали, чѣмъ проповѣдь евангелія, — не что иное какъ остатокъ восхваленій собственной религіи со стороны распространителей христіанства: проповѣдники и миссіонеры всегда утверждали, что ихъ вѣра въ нравственномъ отношеніи превосходитъ всѣ другія. Между тѣмъ, если перебрать евангельскіе за-вѣты — предписанія любви къ ближнему, требованія чистоты семейнаго быта и т. п. — мы не найдемъ ничего такого, что бы не имѣлось въ священныхъ книгахъ старинной египетской, сирийской и другихъ религій. Стоить, напр., посмотреть „книгу мертвыхъ“, которую клали въ Египтѣ въ гробъ умершему; мы тамъ найдемъ требованія нравственной чистоты, благожелательности къ ближнимъ, нисколько не отличающіяся отъ принятыхъ въ христіанствѣ.

Тотъ взглядъ, что любовь къ ближнему составляетъ содержаніе всего закона, мы встрѣчаемъ у старинныхъ іудейскихъ раввиновъ. Рабби Хилель говоритъ: „что тебѣ самому непріятно, того не дѣлай ближнему; въ этомъ и состоятъ все ученіе, остальное лишь объясненія къ нему“. Не новость въ христіанствѣ и напряженіе завѣта любви вплоть до требованія любить враговъ. Уже старинныя, такъ наз. Моисеевы предписанія совѣтуютъ мягко относиться къ чужимъ; а Талмудъ изобилуетъ приглашеніями любить враговъ и повторять правило, что лучше терпѣть притѣвленіе, чѣмъ преслѣдовать самоу. Само выраженіе „евангелій, близніе, любовь къ ближнему“ заимствованы изъ греческихъ моралистовъ.

Вообще, что касается нравственныхъ предписаній, христіанство просто стоитъ на обычномъ, такъ сказать, среднемъ уровнѣ культурнаго общества, ничего не мыкаетъ въ окружающемъ мірѣ и ничего не прибавляетъ. Если же мы обратимся къ нравственному типу развитой личности, христіанство окажется на ступени не особенно высокой. Въ христіанской морали главное удареніе лежитъ на услужливости, смирении, на жалости и расчетѣ на жалость со

стороны другого: „если тебя ударят по одной щекѣ, подставь другую“. Нѣтъ въ христіанствѣ ни малѣйшаго призыва къ чувству чести и достоинства личности, нѣтъ идеи высшаго долга, обязанностей, вытекающихъ изъ понятія о благородствѣ человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи моральный идеалъ стойковъ неизмѣримо выше христіанскаго. Своимъ нравственнымъ ученіемъ христіане не могли произвести особенное впечатлѣніе на окружающій міръ. Итакъ, ни въ догматахъ, ни въ обрядахъ, ни въ морали христіанство не даетъ ничего новаго. Въ чемъ же состоитъ оригинальность и историческое величіе факта возникновения христіанства?

Оригинально и поразительно образованіе великой церковной общины, появленіе мощной оппозиціи противъ все-сильной дотогѣ римской имперіи. Оригинально и поразительно возникновеніе документовъ этой новой общины, ея манифестовъ, ея священныхъ книгъ, изложеніе ея интимныхъ мыслей и чаяній. Пусть въ книгахъ Новаго завіта нѣтъ ни одной новой идеи, ни одного новаго образа, даже ни одного новаго стилистическаго оборота; пусть Евангелія и Посланія составляютъ мозаику красивыхъ цвѣтловъ чуждой поэзіи и чуждой проповѣди! Но эти произведенія сильны и ярки благодаря мощи побужденій, которые вдохновили творцовъ общины соединиться вмѣстѣ для общей работы, а литераторовъ и проповѣдниковъ—собрать разсыпанную мудрость культурнаго міра, нарисовать образъ великаго идеальнаго основателя церкви, составить поученія, поученія, религиозно-поэтическія картины, способныя дѣйствовать на людей самаго разнообразнаго характера, общественнаго положенія и степени образованія. Каковы же были обстоятельства, давшія жизнь ранней церкви и начальной литературѣ христіанства? Какія настроенія породили ихъ? Какіе общественные круги были ими охвачены?

Девятнадцатъ столѣтій тому назадъ въ культурномъ мірѣ торжествовала сила, похожая во многомъ на современную другую: „если тебя ударятъ по одной щекѣ, подставь другую“. Нѣтъ въ христіанствѣ ни малѣйшаго призыва къ чувству чести и достоинства личности, нѣтъ идеи высшаго долга, обязанностей, вытекающихъ изъ понятія о благородствѣ человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи моральный идеалъ стойковъ неизмѣримо выше христіанскаго. Своимъ нравственнымъ ученіемъ христіане не могли произвести особенное впечатлѣніе на окружающій міръ. Итакъ, ни въ догматахъ, ни въ обрядахъ, ни въ морали христіанство не даетъ ничего новаго. Въ чемъ же состоитъ оригинальность и историческое величіе факта возникновения христіанства?

менную Германію, — римская имперія. Римляне принесли такую же ненасытную жажду господства надъ другими націями. У нихъ тоже все служило одной верховной цѣли, войнѣ. Въ дѣлѣ инженерномъ, артиллерійскомъ, въ военной дисциплинѣ они также превосходили безъ сравненія всѣхъ современниковъ. Римляне были такіе же безпощадные, искусные и ограниченные бюрократы, какъ современные германцы. Хотя у нихъ короткое время бушевала демократія, они все-таки такъ же, какъ германцы нашего времени, не хотѣли или не могли понять политическую свободу, самоуправленіе; такъ же были самоуверены, считали себя призванными покорить весь міръ, дать всѣмъ народамъ порядокъ и законы, и такъ же не въ силахъ были постигнуть, что ненавистенъ всѣмъ ихъ непрощенный приходъ, ихъ система выкачиванія доходовъ, отнятія сбереженій, командованія надъ чуждымъ трудомъ.

Здѣсь не мѣсто описывать порядки римской имперіи; достаточно намъ омігтнуть общіе результаты ея господства. Если уже въ самомъ Римѣ прекратились народныя собранія, то и подавно въ подвластныхъ странахъ ни о какомъ участіи народа или образованныхъ людей въ политикѣ не могло быть и рѣчи. Въ большихъ городахъ нѣсколько богатей, отмѣченныхъ милостью римскаго самодержца, сходились въ думу и обсуждали вопросъ объ устройствѣ фонтана или бань или о чествованіи императора въ день рожденія, — къ такимъ важнымъ дѣламъ и сводилось самоуправленіе. Въ школахъ продолжали читать и учить наизусть рѣчи великихъ старшихъ ораторовъ, Перикла, Демосоена, Гракховъ, но эта наука лишь обременяла память: горько было сознавать, что когда-то люди могли свободно высказываться, что можно было бороться за свои права, увлекать за собой народную массу. Теперь таланты, энергіи были заказаны пути; молодыя силы заранѣе были осуждены на бездѣйствіе, на кнѣніе въ пустякахъ, на мелочную, скудную жизнь. Да, конечно, можно было заниматься литературой, искусствомъ, наукой, но ограниченія

и запреты до крайности суживали горизонтъ. Сохрани Богъ похвалить республику! На спенъ можно было изобразать только мелкія интрижки, осмѣивать бульварныя нравы.

Когда культурнымъ людямъ загораживаютъ полинику, т.-е. занятіе вопросами общаго характера и широкаго масштаба, они, смотря по вкусамъ и наклонностямъ, или бросаюся на игру и забаву, культивируютъ пороки, или уходятъ въ созерцательность, въ отвлеченное мышленіе. Когда воля человѣческая до крайности стѣснена, характеръ людей портится; не имѣя возможности проявлять себя на естественномъ просторѣ, они отдаются противоестественнымъ наклонностямъ, бросаюся на всякаго рода извращенія. Въ этомъ отношеніи любопытно одно явленіе эпохи римской имперіи, которое можно назвать психопатической эротикой, болѣзненнымъ интересомъ къ сексуальнымъ вопросамъ.

Собственно говоря, мы знаемъ объ этомъ явленіи лишь косвенно, изъ нападковъ христіанскихъ апологетовъ на такъ наз. языческую міеологию. Странное содержаніе занимаетъ нѣкоторыя апологіи. Авторы ихъ заняты подобромъ соблазнительныхъ темъ изъ жизни боговъ и героевъ съ тою цѣлю, чтобы составить изъ нихъ картину чудовишнаго разврата и показать мерзость язычества. Между прочимъ для посторонняго читателя видно, что самъ обличитель относится къ сексуальнымъ вопросамъ неспособно, что и онъ захваченъ болѣзненнымъ интересомъ эпохи. Но спрашивается, вѣрна ли эта картина язычества, и откуда апологетъ ее взялъ? Неужели старинная міеологія только и знала прелюбодѣйства, насилія, эротическія наслажденія? Конечно, нѣтъ; какъ разъ именнo современники христіанскихъ обличителей обработали миѳы въ порнографическомъ духѣ, сдѣлали изъ нихъ сантиментально-сластолюбивые романы, до безконечности варіировали тему чувственной любви.

Эта частность въ бытовой основѣ тогдашней литера-

туры говорить очень много. Она показываетъ, какъ мѣлкая часть, какъ принижается общественная жизнь тамъ, гдѣ водворилась наверху грубая исключительная власть. Надо представить себѣ во всей силѣ и обширности фактъ продолжительнаго отстраненія культурнаго общества отъ политики, — тогда можно понять ту почву, на которой буйно разрастаются религиозныя мечты и религиозныя исканія.

У человѣка отняли заботу о реальномъ, существенно для него важномъ. Ему запретили всякую дѣятельность, которая могла бы отвѣчать его законной гордости, героической сторонѣ его натуры. Вся его энергія уходитъ въ туманныя блужданія, въ идиллическіе сны, въ мысли о нереальномъ потустороннемъ мірѣ. Не надо однако обольщаться, что въ человѣческомъ сознаніи происходитъ только перестановка сюжетовъ, что умственная жизнь продолжается идти тѣмъ же темпомъ, — нѣтъ, мы имѣемъ дѣло съ настоящей болѣзнью, а всякая болѣзнь ослабляетъ организмъ. Въ обществѣ нечувствительно совершается паденіе культурныхъ вкусовъ и привычекъ. Чѣмъ сильнѣе развивается религиозная мысль, тѣмъ болѣе въ ней самой замѣтно огрубѣніе.

На одномъ характерномъ примѣрѣ можно ясно видѣть различіе религіи и философіи. Въ числѣ религиозныхъ исканій того времени очень замѣтное мѣсто занимаютъ попытки повѣрять въ безмеріе человѣческаго существа. Этой темой весьма интересовалась философія. Но въ пронагандѣ христіанства она приняла рѣзкій материалистическій видъ воскресенія умершихъ. По этому поводу любопытно отмѣтить, что идея безмерія прошла какую-то странную кривую, то падала, то опять возрождалась.

На ступени стариннаго охотничьяго быта потусторонній міръ мыслится гдѣ-то совсѣмъ близко отъ здѣшняго. Дикарю чудится, что онъ во онъ дѣлаетъ туда полеты; онъ считаетъ, что вполне возможенъ окончательный переходъ на тотъ свѣтъ при сохраненіи обычнаго образа жизни; но въ своемъ безмертіи человѣкъ не сомнѣвается. Въ

болѣе культурномъ дружинномъ обществѣ гомеровскаго времени къ безсмертію отношеніе уже совершенно иное. Гомеръ изображаетъ умершихъ привидѣніями, жалкими подобіями людей; не хочетъ ли онъ сказать, что они живутъ только въ воображеніи? Очень своеобразенъ образъ сожженія умершаго героя на кострѣ вмѣстѣ со слугами, съ животными и драгоценностями. Въ немъ какъ будто намекъ, что лучшіе изъ людей будутъ унесены въ видѣ дыма въ сторону солнца, на острова блаженныхъ; но возможно, что такое путешествіе современники Гомера считали поэтической сказкой. Тотъ же грустный скептицизмъ выраженъ въ вавилонской поэмѣ о странствованіяхъ Гильгамеша, который хочетъ соединиться съ погибшими другомъ своимъ. Въ поэмѣ отражается не вѣра въ безсмертіе, а тоска по безсмертію, которое кажется почти невозможнымъ.

Поблкая въ просвѣщенныхъ кругахъ вавилонскаго, іудейскаго, греческаго, римскаго общества, мысль о безсмертіи снова появляется къ концу существованія античнаго міра: въ Греціи стоики, среди іудеевъ направленіи «религіи духа», спиритуалисты и мистики учатъ, что человекъ состоитъ изъ двухъ началъ — одного вѣчнаго и вѣдѣтвѣ того реальнаго, это — духъ; другою — преходящаго, непрочноаго и вѣдѣтвѣ того нереальнаго, призрачнаго, это — тѣло. Родина души — другою міръ, небесный, воздушный. Духовная сущность можетъ не одинъ разъ спускаться на землю и замыкаться въ разныя тѣла. Съ рожденіемъ даннаго человека душа не родится впервые; она жила въ мірѣ задолго и лишь нашла на землѣ новую оболочку. Послѣ смерти душа выходитъ на свободу, но можетъ испытать новое воплощеніе.

Это ученіе о переселеніи душъ воспринимается христіанскими кругами, но не остается здѣсь въ своемъ чистомъ видѣ; оно смѣшивается съ вѣрованіемъ въ грѣбъ и материалистическимъ, происходящимъ изъ Египта, странъ заселенныхъ мумій: принимаютъ вѣру въ возможность ожи-

вленія умершаго тѣла, допускаютъ воскресеніе мертвыхъ, при условіи возврата духа въ прежнюю оболочку. Передъ нами одинъ изъ примѣровъ возрожденія стариннѣйшей религіи; мысль культурнаго общества обогащается однимъ изъ забытыхъ суевѣрій.

Изъ всѣхъ христіанскихъ догматовъ наиболѣе непріемлемымъ кажется сейчасъ воскресеніе мертвыхъ. Но оно было такимъ и въ началѣ христіанской пропанды. Разскажъ Дѣяній апостольскихъ (XVII, 32—33) даетъ въ этомъ отношеніи очень наглядную картину. Апостолъ Павелъ проповѣдуетъ въ тонко развитой, философски образованной средѣ афинянъ. Его внимательно слушаютъ, но когда онъ доходитъ до воскресенія мертвыхъ, нѣкоторые афиняне смѣются, другіе говорятъ: «ты насъ не скоро въ этомъ убѣдишь!», и проповѣдникъ вынужденъ покинуть Афины, признавши свой неуспѣхъ.

Четвертое евангеліе даетъ намъ образчикъ того, какъ внушалась вѣра въ чудо воскресенія мертвыхъ. Одинъ изъ самыхъ странныхъ разсказовъ того самаго евангелія, въ которомъ есть не мало страницъ высоко-философскаго подъема, — исторія воскресенія Лазаря (гл. XI, 1—44). Надо обратить вниманіе на манеру, съ которой евангелистъ вводитъ изображеніе чуда. Иисусъ говоритъ Марѣ, сестрѣ умершаго: «вѣруешь ли, что онъ будетъ воскресенъ?» Она отвѣчаетъ: «да, я знаю, что онъ будетъ воскресенъ въ послѣдній день (т.е. въ концѣ міра)». Иисусъ не довольствуется такой отвлеченной вѣрой, нѣтъ, воскреснетъ тѣло, лежащее въ гробу. Марѣ замѣчаетъ еще разъ: «мертвецъ вѣдѣ лежитъ четвертый день, отъ трупа пахнетъ». Евангелисту нужна такая реалистическая подробность, онъ какъ бы пробуетъ читателя на самомъ рѣзкомъ эффектѣ для того, чтобы не было сомнѣнія въ грубомъ волшебномъ характерѣ чуда, чтобы сразу смирить всѣ возраженія здраваго смысла.

На своеобразной формѣ, которую принимаетъ ученіе о безсмертіи человека видно, какъ далеко зашелъ упа-

докъ культурнаго сознанія общества. Религіозныя исканія, отразившіяся въ христіанствѣ, образуютъ смѣшеніе философскихъ идей и возродившихся остатковъ древней магіи.

Мы видѣли, что суженіе горизонта общества, его уходъ въ созерцаніе, въ религіозныя мечты стоитъ въ связи съ самодержавнымъ строемъ римской имперіи, съ истребленіемъ политической жизни въ обширномъ кругѣ средиземноморскихъ странъ. Тотъ же самый фактъ безпопашаго государственнаго деспотизма объясняетъ намъ, почему и какъ произошло объединеніе въ могущественный союзъ искателей религіи, тихихъ и бурныхъ, усталыхъ и полныхъ энергіи.

Въ новоевропейской наукѣ, и особенно у германскихъ ученыхъ, принято идеализировать римскую имперію, въ качествѣ точной и аккуратной административной машины, обеспечивавшей широкимъ слоямъ населенія хорошее житаніе, спокойный обмѣнъ, наслажденіе удобствами частной жизни. Но въ пользу правильности такой картины можно было бы привести только нѣсколько официальныхъ заявленій, самой римской администраціи. Факты социальной дѣятельности говорятъ обратное. Римляне, господствующій народъ, не производили сами никакихъ богатствъ, а только забирали большую долю прибыли съ чужого труда. Изъ подвластныхъ странъ они влекли свободныхъ рабочихъ и обращали въ каторжныхъ невольниковъ для своихъ плантацій. Всѣ чужія сбереженія, всѣ запасы золота, драгоценностей, тонкихъ товаровъ, художественной обстановки они уносили въ свой центръ. Римляне даже не давали себѣ труда вести торговлю въ коренныхъ областяхъ или руководить промышленными предпріятіями. Они присылали въ провинцію тучу чиновниковъ, ростовщиковъ и сборщиковъ; пришлецы брали на учетъ великую копѣйку, сажались у всѣхъ узловъ община и на всѣхъ дорогахъ, по которымъ двигались товары, и забирали безбожную лихву; по временамъ пред-

ставители командующаго народа взымывали кассы и ящики и уносили сразу капиталъ, накопленный за долгіе годы.

Систематическій грабежъ совершался не безъ прикрытія красивыхъ фразъ. Римское правительство забрало добычу для столичной бѣдности, для привилегированныхъ пролетаріевъ, носившихъ имя римскихъ гражданъ, и дѣйствительно часть награбленнаго уходила на закупку хлѣба и на устройство зрѣлищъ въ циркѣ и въ амфитеатрѣ.

Необходимо представить себѣ неизбѣжный результатъ такого хозяйничанья. Какъ ни раздробили римляне коренныя страны, но постепенно обираемые стали соединяться и сплавиваться въ оппозицію. Выключенные отъ политической жизни и управленія, недовольные и оборотящіеся отъ государства обыватели создали свое новое общество, выработали въ своей средѣ особое право, сложили себѣ свой судъ, свои финансы. Разъ государство выкинуло ихъ изъ своей среды, объявило ихъ париями, они сами прониклись къ нему враждой, признали его нечистымъ, злымъ началомъ и стали избѣгать съ нимъ всякаго соприкосновенія. Это отчужденіе общества отъ официальныхъ сферъ нигдѣ не сказалось такъ рѣзко, какъ въ чувствительной области религіозныхъ вѣрованій. Если и безъ того покоренные держались вѣры, чуждой римлянамъ, то они старались всѣми силами расширить это различіе: имъ хотѣлось думать, что ихъ раздѣляетъ бездна; они готовы были считать себя преслѣдуемыми праведниками, а господствующій слой — погрязшими въ порокахъ злыми нечестивцами.

Настоящимъ полемъ развитія оппозиціи въ первый вѣкъ имперіи, при Августѣ, Тиберіи, Неронѣ, была культурный Востокъ. Двѣ большія націи, иудейская и греческая, обладали каждая своеобразной организаціей, которую можно назвать церковью, или религіознымъ обществомъ. У іудеевъ организація была централистическая съ периферіей столицей въ Іерусалимѣ, очень похожая на средне-вѣковый католицизмъ, объединенный въ Римѣ. Греція,

какъ была страной маленькихъ республикъ, такъ и въ церковномъ отношеніи осталась областью сектантскихъ общинъ, безчисленныхъ автономныхъ кружковъ и союзовъ. Оба эти явленія представляютъ капитальную важность для образованія послѣдующей христіанской церкви. Христіанское общество выросло изъ этихъ организацій и должно ихъ. Необходимо остановиться на томъ и другомъ явленіи.

Едва ли въ исторіи былъ другой примѣръ такого великаго храма и такого блестящаго богослуженія, какіе имѣлъ Иерусалимъ до катастрофы 70 года послѣ Р. Х. Храмъ, выстроенный Иродомъ, составлялъ цѣлый укрупленный, изукрашенный городъ или замокъ на горѣ. Въ священной посудѣ, въ слиткахъ онъ хранилъ въ себѣ громадные запасы золота. Его доходы, которыми заправляла іерархія высшего духовенства, не оскудѣвали, а все росло благодаря сборамъ и приношеніямъ, сходявшимся отъ вѣрующихъ изъ всѣхъ странъ культурнаго міра. Въ распоряженіи іерусалимскаго священства и его вѣбнаго главы, первосвященника, были особые сборщики, отправлявшіеся за взносами; имя ихъ по-гречески переводилось „апостолы“. Вѣрующіе считали нужнымъ, для спасенія души и для земного блаженствія, совершать богомолья въ Иерусалимъ въ родѣ того, какъ въ Средне вѣка ходили въ Римъ, а мусульмане и сейчасъ стравствуютъ въ Мекку.

Иудейская церковь расширилась далеко за предѣлы національности. Къ ней принадлежали не одни только іудеи, оставшіеся въ Палестинѣ и поселившіеся въ провинціяхъ римской имперіи. Почитаніе Бога Израиля утратило свои грубые черты и подверглось облагораживающему вліянію Индии и Персіи. Благодаря этому, іудейская вѣра стала всемірной, общедоступной. Она стала увлечать представителей самыхъ различныхъ націй: и горячихъ воображеніемъ сирійцевъ, и разсудительныхъ грековъ, и степныхъ, замкнутыхъ въ себѣ египтянъ. Тогдашнее іудей-

ство было до извѣстной степени противоположностью современному. Оно не замыкалось само и не было отмычено запретомъ со стороны. Оно носило характеръ космополитическій, какъ позднѣйшее христіанство. Вовсе не надо было имѣть въ своихъ жилахъ семитическую кровь, чтобы принадлежать къ великой религіозной семьѣ избраннаго народа Божія, которому за вѣрность его Господу было обещано торжество надъ всѣмъ міромъ.

Главный вкладъ іудейства въ устроеніе христіанской церкви и состоялъ въ той мысли, что вѣра народа-избранника распространится по всему свѣту и восторжествоуетъ надъ темной массой язычниковъ (послѣднее слово, получившее съ теченіемъ времени въ христіанской практикѣ осудительный отбѣнокъ, въ греческомъ текстѣ Нового заветъ звучитъ очень неинно— „народы“, т.-е. другіе народы, кромѣ избраннаго). Осуществленіемъ этой мысли должна служить великая организація, единая и нераздѣльная.

Каковы же черты, передавшіяся христіанству отъ греческихъ сектъ? Въ Греціи давно прекратилась шумная политическая жизнь, дебаты въ народномъ собраніи, рѣчи адвокатовъ передъ составами присяжныхъ въ 1000 и болѣе человекъ. Жизнь стала глухо провинціальной. Греція обратилась къ интимнымъ интересамъ дружескихъ обществъ, маленькихъ клубовъ, тѣсныхъ профессиональныхъ союзовъ. Долгія вечернія бесѣды, ежегодные скромные праздненія сомыстныхъ трапезы, ежегодные скромные праздники въ честь святаго, покровителя кружка, поминаніе умершихъ сочленовъ—такое содержаніе этой жизни. Можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ кружковомъ бытѣ Греціи по Воспоминаніямъ Ксенофонта о Сократѣ: знаменитый аѳинскій мурецъ былъ однимъ изъ мастеровъ въ устройствѣ и веденіи дружескихъ обществъ.

Люди всѣхъ званій соединялись въ кружки по специальности, по сходству мыслей и вкусовъ, по сосѣдству, по однородности интересовъ. Служаще большаго учре-

жденія составляли кружокъ; вольная пожарная команда составляла кружокъ; коллегія ученыхъ или преподавателей составляла кружокъ и т. п. Чтобы понять, въ чемъ состояла религиозная жизнь кружковъ и союзовъ, необходимо прежде всего вспомнить, что въ Греціи никогда не было центра въ родъ Мекки или Иерусалима, никогда не было всеобъемлющаго религиознаго кодекса. Религиозная практика вращалась въ предѣлахъ маленькихъ общинъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Друзья, сотоварищи, члены ордена, братчики, или какъ мы ихъ еще назовемъ, мало беспокоились о возвращеніяхъ и вѣрованіяхъ людей, постороннихъ ихъ союзамъ. Они были душевно привязаны къ своему ближайшему богу или святому, котораго товарищество избрало своимъ хранителемъ. Очень популярны были мягкіе, добрые, любвеобильные утѣшители и цѣлители, какъ, напр., Діонисій или Орфей, успокоивающій душу музыкой, или Гермесъ, отыскивающій заблудшую овцу. Братчики связаны были памятью объ умершихъ сочленахъ кружка и тѣснымъ состояніемъ общеніемъ живыхъ.

Въ періодъ эллинизма, когда греческія колоніи проникли на востокъ, а іудейскія на западъ, эти двѣ народности, первоначально очень далекія другъ отъ друга, обмѣнялись своими религиозными формами. Іудейскіе раввины сообщили грекамъ свою возвышенную религиозную философію, проникнутую старинной мудростью Индіи; и эллины повѣрили, что Моисей гораздо раньше и лучше сказалъ то, что у нихъ самихъ старался изложить Платонъ. Въ свою очередь іудеи заимствовали у грековъ кружковую жизнь, трапезы, почитаніе святыхъ.

Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ есть указанія на своеобразныя формы религиознаго ученія и быта, которые получились въ Малой Азіи, странѣ промежуточной культуры, благодаря взаимодействию іудейства и эллинизма. Въ главахъ ХVIII, 24—28, и ХІХ, 1—5, рассказывается, что въ Эфесѣ ап. Павелъ и другіе проповѣдники дости-

гали особенно быстро успѣха. Они встрѣчали здѣсь весьма подготовленную почву: то находились люди, уже обученные на „пути Господнемъ“, но остановившіеся на моментѣ крещенія Іоанна; то оказывались почитатели Іисуса, которымъ оставалось только объяснить, что Іисусъ и есть Христосъ. Отсюда можно заключить, что въ Эфесѣ имѣлись іоанниты и иисуситы до прихода собственно христіанскихъ проповѣдниковъ; у однихъ почитался покровителемъ Іоаннъ, у другихъ Іисусъ. По національности общины „подготовленныхъ“, среди которыхъ ап. Павелъ велъ свою проповѣдь, могли быть греками или фригійцами, которые прониклись іудейскимъ мировоззрѣніемъ, и обратно, это могли быть іудеи, принявшіе греческій религиозный укладъ.

Каждая нація дала въ слагающееся общество свои черты: греки — подвижность, гибкость, автономію, іудеи — іерархію, подчиненіе большому всеохватывающему цѣлому.

Если мы выяснили общія условія, вызвавшія религиозныя исканія, если мы знаемъ элементы, изъ которыхъ сложилась церковь, то все еще нѣтъ отвѣта на вопросъ: когда и какъ возникло христіанство? Пока мы опредѣлили лишь тѣ матеріалы, изъ которыхъ построилось зданіе церкви, только основныя мелодіи, изъ которыхъ образовалась религиозная симфонія. Само твореніе — результировать грозныхъ и тяжкихъ событий, которыя, съ одной стороны, потрясли жестокимъ ударомъ религиозную жизнь, съ другой — сѣрѣшили разрозненные до тѣхъ поръ группы.

Событія, о которыхъ придется упомянуть, были одновременно политическими и религиозными. Между Западомъ и Востокомъ, между Римомъ и іудейскимъ міромъ произошелъ жестокой разрывъ. Каковы были причины катастрофы?

Въ имперіи царилъ Юпитеръ Капитолійскій и его младшій сынъ, обоготворенный императоръ, въ Иерусалимѣ — богъ Израиля, привлекавшій миллионы богомольцевъ. Одно время казалось, что боги готовы размежеваться. Августъ, устроитель имперіи, предписалъ, чтобы ежедневно въ вели-

комъ іерусалимскомъ храмѣ приносилась жертва за здравіе его, императора, и его семьи. Іудейскіе первосвященники съ большимъ удовольствіемъ возносили эти молитвы за officialный Римъ, потому что такимъ способомъ они обезпечивали свое державное положеніе въ церкви; въ то же самое время и тѣмъ же самымъ они обязывались за весь правобережный народъ, обѣщали его повиновеніе Риму.

Легче было, однако, дать такое обѣщаніе, чѣмъ исполнить его. Обѣ стороны, и римляне, и іудеи, одинаково были виноваты или не виноваты въ нарушеніи религиознаго мира. Римляне—потому, что не могли превозмочь жадности до золота; потому что посылали къ іудеямъ безсоставныхъ и безтактныхъ администраторовъ; потому что не хотѣли понять бурное кипѣніе въ религиозномъ когитѣ, который представлялъ собой тогдашній Востокъ. Іудеи—потому, что въ массѣ вовсе не довольствовались мирнымъ житіемъ созерцательныхъ сектъ. Іудейство представляло собой большую промышленную и интеллектуальную силу. Своими колоніями, своими капиталами оно заполняло весь Востокъ. Помимо іудеевъ, жившихъ въ пределахъ римской имперіи, было много представителей этой націи въ сосѣднемъ парянскомъ государствѣ, на Евфратѣ, въ области Вавилона, и какъ разъ это были самые передовые въ умственномъ отношеніи слои іудейскаго общества. Іудеи имперскіе и іудеи зарубежные, старавшиеся, находились другъ съ другомъ въ оживленныхъ сношеніяхъ коммерческихъ и литературныхъ, дѣловыхъ и идеальныхъ.

Религиозныя ожиданія іудеевъ сливались съ политическими мечтами. Обширные слои народа жили мыслію о царствѣ будущаго, вѣрой въ великаго національнаго вождя, который соберетъ всѣхъ разсѣянныхъ и заблудшихъ овецъ и явится оруженный синіемъ побѣды, чтобы дать торжество своему народу за его страданія и долготерпѣніе. Царя народнаго мыслили какъ потомка славнаго Да-

вида. Будущій возродитель народа звался Мешіа, въ греческомъ произношеніи Мессія, а въ переводѣ на греческій языкъ это и есть Христосъ, т.-е. помазанныкъ, царь Божій милостію!

Образъ Мессіи, или Христа, нельзя назвать ни чисто-политическимъ, ни чисто религиознымъ; то и другое здѣсь находится въ своеобразномъ слитіи. Иѣкоторое понятіе о томъ, что такое было ожиданіе Мессіи, даетъ современная вѣра мусульманъ въ махди, пророка Божія, который возродитъ въ себѣ силу Мохамеда и соберетъ правобережныхъ въ торжествующее царствѣ святыхъ.

Мессіаниззмъ представлялъ прямую угрозу господству римлянъ тѣмъ болѣе, что онъ питался зарубежной пропагандой. Военственный Христосъ могъ бы составить изъ іудеевъ имперскихъ и вавилонскихъ сильное богатое государство, которое бы выбросило римлянъ вовсе изъ Азіи и, вѣроятно, смогло бы у нихъ отнять также Грецію и Египетъ. Вмѣсто того, чтобы устранить эту опасность облитіемъ съ іудействомъ, смягченіемъ острыхъ разногласій, римляне дѣла и все, что было способно раздражить іудеевъ, все, что показывало наглядно плѣненіе іудейскаго народа.

Одно явленіе весьма характерно. Въ Палестинѣ особенной популярностью пользовались разбойники, гнѣздившіяся на скалистыхъ выступнахъ въ Галилѣи и въ Зайорданіи. Отчаянные люди набирались изъ разорявшихся крестьянъ и ремесленниковъ, а разореніе принесло съ собой сначала управленіе Ирода, вассала римлянъ, а потомъ непосредственное господство Рима. Они вознаграждали себя наѣздами на мирное населеніе. И все-таки въ народѣ считали ихъ героями, въ нихъ видѣли свягую дружину Божію, будущихъ солдатъ Мессіи. Постепенно изъ разбойничьихъ бандъ выросли отряды революціонеровъ, среди нихъ стали появляться талантливые, энергичные вожди, напр., Іуда Галилеянинъ, въ концѣ правленія Августа, развернувшій впервые знамя демократической республики. Въ 66 году по Р. Х. при императорѣ Неронѣ револю-

ціонія дружини надвинулись на релігійний центр, Іерусалимъ, и съ этого началось великое возстаніе. Воинственныя націоналисты были столь же врагами римлянъ, какъ и своей собственной аристократіи священниковъ, сидѣвшей около храмовыхъ сокровищъ. Священническая партія, саддукей, какъ она тогда называлась, стояла, въ сущности, ближе къ римлянамъ, чѣмъ къ демократическимъ и націоналистическимъ элементамъ собственной страны, которые въ свою очередь дѣлились на умѣренныхъ, фарисеевъ, и крайнихъ, zelotъ. Іудейскій міръ переживалъ настоящую революціонную эпоху, когда внутри страны разгорается борьба классовъ и фракцій, появляются секты и союзы, сталкиваются рѣзко противоположныя программы, и происходитъ взаимно истребительная борьба.

Съ точки зрѣнія чисто военной, іудейское возстаніе не представляется очень крупной борьбой. Ни Палестина, ни Ефратъ, ни іудейскія колоніи не могли выставить большой арміи. Римляне интернировали мятежъ, заперли инсургентовъ въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ, подавили движенія въ провинціяхъ массовой рѣзней іудеевъ и закончили сокрушеніе революціи осадой Іерусалима, сожженіемъ и разрушеніемъ города и храма. Но если принять во вниманіе горячее участіе всѣхъ іудейскихъ колоній въ національномъ дѣлѣ, тѣ бѣдствія, которыя обрушились на іудеевъ въ видѣ отмищенія за ихъ сочувствіе и за быстро подавленныя попытки идти на помощь инсургентамъ, то эпоху возстанія 66—73 гг. надо признать великимъ кризисомъ всего іудейскаго народа.

Воинственный мессіаниззмъ далеко не былъ сразу уничтоженъ. Шестнадцать лѣтъ спустя послѣ подавленія первого возстанія началось второе. Наши свѣдѣнія о немъ безъ сравненія слабѣе, чѣмъ о первомъ, которое нашло обстоятельнаго лѣтописца и очевидца въ лицѣ Іосифа Флавія. Мы знаемъ только, что вождь возстанія Симонъ, прозванный Баркохба, т. е. сынъ звѣзды, вызывалъ великія надежды въ своемъ народѣ. Многие признали его Мессіей

(по-гречески Христосъ), среди нихъ ученые, іудейская интеллигенція. Но и эта попытка была сломлена: римляне истребили безпощадно всѣ воинственные элементы народа, воспрегнали іудеямъ ступить на почву Палестины, стерли съ лица земли всякую память о Іерусалимѣ и великомъ его храмѣ.

Въ двухъ крупнѣйшихъ катастрофахъ рушилось церковное единство іудейскаго народа, погибла іудейская держава. Отчасти ее уничтожили римляне, видя въ ней очагъ мессіанизма, отчасти свои — въ озлобленіи междоусобной войны и революціи. Надо имѣть въ виду, что революціонеры были весьма непочтительны не только къ порядкамъ управленія первосвященниковъ, но и къ самой святынѣ. Вступивъ въ Іерусалимъ, они опрокинули всѣ традиціи церкви, измѣнили церковную конституцію, нарушили священную преемственность избранія въ высшій санъ. Храмъ они сдѣлали крѣпостью, обогрили его кровью защитниковъ, осквернили горами труповъ, что въ глазахъ правдивѣйшихъ было величайшимъ святотатствомъ.

Не одни только революціонеры выказывали вражду или равнодушіе къ религіи храма. Рядомъ съ революціей, которая готовила разрушеніе іерусалимской святыни, развилась направленія мирныя и созерцательныя, которые такъ же отклонялись отъ храма, отъ связанныхъ съ нимъ обрядовъ и іерархіи, по мотивамъ внутреннего свойства. Іосифъ Флавій описываетъ намъ братскія общины ессеевъ, которые не дѣлали жертвоприношеній въ храмъ, совершали омовенія, молились подъ открытымъ небомъ передъ восходомъ солнца, жили коммунами въ очень умѣренномъ быту, соблюдали величайшую чистоту тѣлесную и душевную.

Въ евангеліяхъ есееи ни разу не упомянуты, но есть нѣкоторыя черты, напоминающія ихъ обычаи и понятія. Дѣятельность Іисуса начинается со священнаго омовенія, крещенія текущей водою. Онъ любитъ молиться уединенно передъ восходомъ солнца. Самъ онъ и община его ближайшихъ учениковъ „не имѣютъ, куда голову преклонить“, живутъ какимъ-то идеальнымъ товариществомъ. Въ нагор-

ной проповѣди Иисусъ излагаетъ требованіе повышеннѣйшей аскетической морали, въ духѣ строгой практики есеевъ. Иисусъ съ апостолами идетъ, правда, въ Іерусалимъ, какъ бы исполняя обычное богомолье; но при этомъ они не собираются приносить жертвы въ храмъ, и ихъ общее отнесеніе къ храму близко къ равнодушію: такой характеръ носитъ противоположеніе великоколѣнному архитектурному чуду, сложенному человѣческими руками, нерукотворнаго храма будущаго (ев. Марка, XIV, 58). Есть такимъ образомъ основаніе думать, что есеевъ были предшественниками христіанства.

По всей вѣроятности, задолго до катастрофы храма на правленіе духовной религіи, чуждавшееся обрядовъ, было широко распространено. Оно, можетъ быть, преобладало въ провинціальныхъ отвѣтвленіяхъ іудейской церкви, особенно тамъ, гдѣ іудеи встрѣчались съ греческими сектами. Въ іудействѣ готовилась *реформация*, переломъ въ строгіе и понятіяхъ. Этой перемѣнѣ не суждено было осуществиться мирнымъ образомъ; въ борьбѣ религіозныхъ партій оказался сильный возбудитель въ видѣ мессіанизма, національнаго движенія, которое обострилось благодаря давленію Рима. Римляне одолѣли іудейскій націонализмъ, и іерусалимская церковь подверглась разрушенію. Іерусалимскій строй ея вмѣстѣ съ грандіознымъ богослуженіемъ исчезъ безъ остатка. Сохранились прежнія партіи, но въ ихъ средѣ наклонъ въ сторону религіи духа еще усилился. Изъ этихъ теченій, по преимуществу принадлежавшихъ къ прежней оппозиціи, стала слагаться новая церковь. Тотъ же самый ударъ, который повелъ къ крушенію національно-религіознаго идеала, заставилъ оппозиціонныя группы сплотиться; тѣ же самыя событія, которыя составляли разгромъ старой церковной державы, скрѣпили разрозненныя общины религіозныхъ искателей въ одинъ великій союзъ.

Наша задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы изучить, какъ всѣ эти явленія жизни отразились въ литературѣ.

III.

Первые шаги христіанской литературы.

У насъ есть подробный рассказъ о іудейскомъ возстаніи Іосифа Флавія, полный драматическихъ подробностей, но, къ сожалѣнію, это произведеніе ренегата, перешедшаго на службу римлянъ и порвавшаго со своимъ народомъ. Онъ не только ничего не знаетъ о нагросніяхъ разрозненаго іудейства, онъ органически не можетъ понять ихъ чувства и мысли. Намъ приходится возстановлять кругъ впечатлѣній и вновь слагающихся понятій общества послѣ революціоннаго періода по слабымъ намекамъ, разбросаннымъ въ самой Повозавѣтной литературѣ.

Мессіанизмъ захватилъ, повидимому, широкіе слои іудейскаго и іудейско-греческаго общества. Въ Малой Азіи, Сиріи, Египтѣ, Месопотаміи, Вавилоніи единовѣрцы съ замираніемъ сердца переживали страшную драму, которая развертывалась въ Палестинѣ. Многие хватились за оружіе, чтобы спѣшить на помощь героическимъ борцамъ, сражавшимся за свободу. Во всѣхъ областяхъ Востока кипѣли возстанія мѣстныхъ іудейскихъ дружинъ.

Въ трагической гибели мессіанизма историческій рокъ оказался неумолимымъ къ іудейству. Помочь осажденному Іерусалиму не было возможности. Долго не имѣлось о немъ никакихъ свѣдѣній. Но вотъ стали прибывать бѣглецы, эмигранты, свидѣтели катастрофы. Горе народное не поддавалось описанію! Каме ужасы творили безпощадные

завоеватели на святыхъ мѣстахъ, въ какую мерзость запустѣнія привели они храмъ! Впрочемъ, картины крови и убійства, безмысленнаго истребленія богатствъ и художества создали разныя формы психическаго расстройства.

Такъ можно себѣ объяснить обиліе бѣсноватыхъ въ евангеліяхъ, всѣхъ этихъ одержимыхъ нечистыми буйными демонами, которыхъ исцѣляетъ Іисусъ.

Въ одномъ, случайно уцѣлѣвшемъ произведеніи эпохи іудейскій націонализмъ ропщетъ на Бога: „развѣ не сказалъ ты, великій Боже, что изъ-за насъ ты создалъ міръ? О другихъ народахъ, происшедшихъ отъ Адама, не скажалъ ли ты, что они — ничто и подобны плевку, и не сравнилъ ли ты ихъ съ кащей на ведрѣ? А теперь, о Господи, именно ты народы, которыхъ ты оцѣнилъ ни во что, начали надъ нами властвовать и раздавили насъ. Если міръ созданъ ради насъ, почему же мы не властвуемъ міромъ?“

Такіе наивно-патріотическіе голоса должны были скоро смолкнуть въ общемъ хорѣ плачущихъ. Дольше удержались рассказы о геройствахъ великаго возстанія. Жадно ловили сочувствующіе всѣ подробности защиты родины, примѣры стойкости борцовъ. Къ сожалѣнію, здѣсь очень мало сохранилось, но и въ обрывкахъ того, что дошло, можно узнать интересъ къ мученикамъ, погибшимъ за святое дѣло. Вотъ, напр., что передаетъ Іосифъ Флавій, который, при всемъ нерасположеніи къ революціонерамъ, не можетъ имъ отказать въ мужествѣ и умѣны умирать. Онъ рассказываетъ о молодыхъ людяхъ, принадлежавшихъ къ священной дружинѣ смерти, послѣднюю кучку которыхъ захватили, во время ихъ бѣгства, въ верхнемъ Египтѣ.

„Ихъ твердость, ихъ безуміе, или если кому угодно назвать это величіемъ души, вызвали общее изумленіе. Отъ нихъ хотѣли только, чтобы они признали римскаго Кесаря государемъ. Но никакія пытки, мученія и уродованія тѣмъ не могли ни одного изъ нихъ склонить къ такому признанію. Всѣ остались непреклонны, какъ будто

ихъ тѣло стало нечувствительно къ мукамъ и огню, а душа точно радовалась страданіямъ. Больше всего поражались свидѣтели поведенію мальчиковъ; изъ нихъ также ни одного не удалось склонить къ признанію Кесаря государемъ. Въ такой мѣрѣ сила ихъ смѣлаго духа превосходила тѣлесную слабость“.

Передъ нами прототипъ христіанскихъ рассказовъ о мученикахъ. Почти въ тѣхъ же чертахъ историкъ церкви Евсевій передаетъ судъ надъ св. Поликарпомъ: христіанскаго подвижника подвергаютъ всевозможнымъ мукамъ, подъ конецъ испытанію огнемъ, и все для того, чтобы заставить его признать Кесаря государемъ или поклониться счастьемъ Кесаря, тогда какъ мученикъ признаетъ лишь одного государя, Христа. Изъ сходства между рассказами Флавія и Евсевія мы можемъ заключить, что акты суда надъ мучениками христіанства по большей части относятся къ эпохѣ возстанія, что они часто представляють процессы надъ дѣйствительнымъ или мнимымъ сторонникомъ революціи. Христіане потому удержали память объ этихъ жертвахъ мести побѣдителей; они охотно изображали героевъ возстанія, какъ своихъ предшественниковъ или первыхъ піонеровъ своего дѣла.

Если такъ великъ былъ интересъ къ палестинской революціи, понятно, что въ средѣ провинціальнаго іудейства должны были возникнуть манифесты, воззванія, памфлеты бурной эпохи. Такихъ произведеній было особенно много въ-періодъ между первымъ и вторымъ возстаніемъ. Пока не потухла надежда на національное возрожденіе, картины предстоящаго разрома врага имѣли самое широкое распространеніе. Разбитые, но непокорившіеся іудеи упивались видѣніями гибели ораа, т.-е. Рима. „Тѣло орла сторгать страшнымъ пожаромъ“. Римъ изображаютъ также великой блудницей вавилонской, которой служатъ купцы, князя міра сего. „Ангелъ броситъ грѣшный Вавилонъ, съ большимъ камнемъ на шеѣ въ море, онъ погинеетъ безъ слѣда, и даже мѣсто его на землѣ потомъ не будетъ

видно. „Избавитель „левъ изъ племени Іуды“, царь царей земныхъ, придетъ въ облакахъ; у него огненные глаза. „Огрокуются небеса, и будетъ зрѣться престолъ Всевышняго“.

Мы называемъ теперь всю эту литературу воззваній и пророчествъ апокалипсами, откровеніями. Ихъ соединяетъ одна общая черта революціоннаго настроенія. Людямъ кажется, что ихъ время составляетъ преддверіе къ послѣднему періоду на землѣ, къ предстоящему суду Божию. Событія, происходящія нынѣ, такъ страшны и необыкновенны, что родъ человѣческій ихъ не выдержитъ.

Въ одной изъ апокалипсѣ (такъ наз. 4-ой книгѣ Эзры) говорится: „послѣ 400-лѣтняго царствованія мой сынъ Мессія, такъ сказалъ Господь, умретъ, и все что дышитъ на свѣтѣ и самъ міръ вернется къ старому безмолвію, какъ было вначалѣ. Тогда поднимется новый міръ. Земля, прахъ и преносодня отдадутъ назадъ то, что было въ ихъ нѣдрахъ (т.-е. произойдетъ воскресеніе мертвыхъ). Откроется престолъ Всевышняго, и Онъ начнетъ судить. Долготерпѣнію и жалости придетъ конецъ, останутся лишь судъ и правда, а за ними послѣдуетъ исполненіе приговора“.

По этому отрывку видно, что воинственный мессіанизмъ еще не исчезъ. Еще вѣрятъ массы, что страданія народа, гибель храма и священнаго города нужны, какъ послѣднія жертвы передъ его торжествомъ.

Впечатлѣнія бурной, возбужденной эпохи національных возстаній послѣдовательно отложились въ ранней христіанской литературѣ. Разсѣяныя по всѣмъ областямъ имперіи іудейскія и іудейско-греческія общины приняли въ число своихъ документовъ одно изъ своихъ произведеній духа мести, настоящій памфлетъ послѣреволюціонной эпохи—откровение Іоанна. Въ канонѣ Новозавѣтныхъ книгъ апокалипсисъ Іоанна занимаетъ крайнее мѣсто на концѣ, какъ будто бы оно возникло позже всѣхъ другихъ. На самомъ дѣлѣ оно первое по времени усвоенія

христіанской средой. Оно старше евангелій. Правду говоря, въ немъ нѣтъ ничего христіанскаго, кромѣ приставокъ въ началѣ и въ концѣ. Позднѣйшіе христіане ясно сознавали чисто-іудейскій характеръ этой книги, ея прямую связь съ революціей, и многимъ эти черты откровенія не нравились. Вотъ почему откровеніе Іоанна было самымъ спорнымъ сочиненіемъ среди Новаго завѣта. Очень авторитетные голоса въ церкви вовсе не хотѣли признавать его, считали еретической, лживой книгой.

Новыя настроенія должны были появиться послѣ второго возстанія. Теперь пришлось похоронить всѣ надежды на близкое торжество. Мрачное безмолвіе воцарилось въ Палестинѣ и другихъ странахъ іудейской рѣчи и вѣры. Невольно вспоминается поэтическое выраженіе одной изъ апокалипсѣ о великомъ вожлѣ іудейскаго народа, Моисеѣ: „его могли никто не знаетъ, но его могла весь міръ“. Въ этихъ словахъ точно эпитафья къ смерти націи и къ посмертной тоскѣ ея разсѣянныхъ бурей потомковъ. Подъ влияніемъ новой и окончательной неудачи мессіанизмъ переродился. Его революціонный, національно-патріотическій тонъ ослабѣлъ и поблѣлъ. Люди отказались отъ вѣры въ немедленное исполненіе своихъ желаній, прониклись долготерпѣніемъ.

Снова и снова они ставили себѣ мучительные вопросы: если Мессія, предсказанный пророками, ожидаемый всѣмъ народомъ, все-таки долженъ явиться, то какъ отнестись къ событіямъ неудачнаго возстанія? Кто же такое были герои революціи, въ которыхъ многіе хотѣли видѣть Мессію или Христовъ? Значитъ, истиннаго Христа еще не было? Значитъ, выступали только его противоположности, его обманчивыя подобія, были только Антихристы? Или, можетъ быть, его невѣрно представляли себѣ, его рисовали слишкомъ грубыми плотскими чертами? Или его приходъ былъ тайный, онъ уже являлся, но остался скрытымъ отъ глазъ непосвященныхъ, его отвергъ свой народъ, и предстоитъ новый сіяющій его приходъ во славу?

Виперъ. Возникновеніе христіанства.

Вотъ вопросы, надъ которыми билась мыслители, проповѣдники, учителя и публицисты іудеевъ и грековъ, при-
нявшихъ основы іудейской вѣры. Въ своихъ домыслахъ
и исканіяхъ они постоянно обращались къ разсказамъ
блгнецовъ, странствующихъ апостоловъ, праходившихъ
изъ Палестины, эмигрантовъ, составлявшихъ обломки ве-
ликой эпохи Страстей народныхъ. Они выспрашивали и
доискивались, не запомнить ли очевидцы выдающейся лич-
ности среди палестинскихъ дѣятелей, не пришлось ли имъ
встрѣтить вождя или проповѣдника, обладавшаго волшеб-
ными качествами, но скоро погибшаго, не было ли такой
смерти, такой казни, въ которой замучили великаго пра-
ведника? Дальше они такъ разсуждали: если мы ошиблись,
если мы невѣрно представляли себѣ ходъ вещей, не про-
никли въ замыселъ Божій, то вѣдь Онъ, великій Богъ,
который съ самаго начала руководилъ избраннымъ наро-
домъ, зналъ все напередъ. Онъ предугадалъ устами сво-
ихъ пророковъ, какъ все должно произойти. Итакъ, надо
искать въ словахъ пророковъ, и тогда найдешь намеки и
знаменія, на которыхъ, можетъ быть, до сихъ поръ мало
обращалось вниманія.

Мы подошли къ моменту возникновенія евангелій. Со-
ставители ихъ старались, во-первыхъ, отыскать Мессію
среди событий времени и показать, что онъ былъ именно
такимъ, какъ его предугадали пророки; во-вторыхъ,
связать этотъ новый образъ Мессіи-страдальца, имѣющаго
прити во второй разъ во славу, со своими прежними вѣ-
рованіями и чаяніями. Искусство евангелистовъ состояло
въ томъ, что они сумѣли сплести элементы, принад-
лежащіе разнымъ эпохамъ и настроеніямъ, въ одно не-
разрывное цѣлое, дать своимъ современникамъ цѣльный
великій образъ.

Намъ теперь, на разстояніи эпохъ, видно, что въ еван-
геліяхъ соединены двѣ глубоко различныя религиозныя
личности, одна именуемая Иисусомъ, другая—Христомъ. Въ
разсказѣ евангелиста онъ рѣзко разграниченъ. Вплоть до

въѣзда въ Іерусалимъ или даже до захвата великаго учи-
теля слугами первосвященника не упомянуто почти ни
одной черты, которая бы относилась къ Мессіи, къ Хри-
сту. О чемъ говорится въ этой большей по размѣрамъ
части Евангелія?

Передъ нами встаетъ образъ очень мягкій, задушевный,
близкій сердцамъ простыхъ людей. Не даромъ обстановка
его дѣятельности—провинціальныя городки, группы ре-
месленниковъ, рыбаковъ, виноградарей, берега неболь-
шого озера съ идилическими берегами. Учитель всѣмъ
доступенъ. Его осаждаютъ своими домашними заботами,
богѣзнями и душевными запросами. Ему приносятъ дѣ-
тей, его просятъ исцѣлять недужныхъ, разбирать споры,
отвѣчать на хитро-простодушные богословскіе вопросы.
У него нѣтъ престола; онъ питается иногда колосьями
съ поля, мимо котораго-проходитъ. Самъ онъ живетъ легко
и свободно; и его завѣтъ окружающимъ—не копите, не
дѣлать запасовъ, не зарывать сокровищъ въ землю,
а брать примѣръ съ птичь небесныхъ и съ лилій поле-
выхъ, при чемъ совѣтъ сопровождается милой шуткой, что
вѣдь цвѣты ярче и красивѣе, чѣмъ былъ Соломонъ во
всемъ своемъ великолѣпіи.

По этимъ мелкимъ, незабываемымъ, мастерики впле-
теннымъ черточкамъ можно узнать, какъ рисовали себѣ
идеальнаго учителя и святого патрона въ религиозныхъ
кружкахъ, слагавшихся по греческому образцу. Тутъ кон-
кретная жизнь, бытовые переживания вторгаются въ поу-
чительную повѣсть. Иногда трудно разобрать, гдѣ списаны
портреты съ любвеобильнаго, деликатнаго, спокойна-на-
ходчиваго руководителя общины, и гдѣ начинается мо-
литва къ своему святому, къ своему покровителю, кото-
рый ни на шагъ не оставляетъ вѣрующаго, идетъ за
нимъ далеко во всѣ странствованія и способенъ безо-
нечно искать заблудшую овцу.

Повидимому, авторъ хотѣлъ слить то и другое, реаль-
ность и молитвенный идеалъ. Онъ внушалъ своимъ чита-

телямъ вѣру къ то, что по временамъ ангель или божъ спускается на землю и принимаетъ видъ реальнаго учителя или старшаго руководителя общины; долго живетъ онъ на землѣ неузнанный, и лишь послѣ смерти „друга людей“ открываются глаза у окружающихъ. Онъ старался напомнить, что иные изъ вѣрующихъ переживали встрѣчи въ родѣ той, которая разсказана въ ев. отъ Луки, гл. XXIV, 13 — 32.

Эта стена — перлъ всего евангелія. Два ученика встрѣтили воскресшаго Иисуса на дорогѣ въ Эммаусъ. Не узнавъ любимаго учителя, они вступили съ незнакомцемъ въ бесѣду, сообщали ему свое горе о гибели великаго пророка, выслушали его утѣшенія, попросили его зайти къ нимъ и вкусить ихъ трапезы. Лишь когда онъ ушелъ, вспомнили они, какъ онъ знакомымъ жестомъ преломлялъ хлѣбъ, вспомнили его манеру излагать поученія и сказали себѣ: „развѣ не горѣло въ насъ сердце, когда онъ шелъ съ нами по дорогѣ, когда онъ объяснялъ намъ Писаніе?“

Встрѣча въ Эммаусѣ не вполне подходитъ къ цѣли евангелиста. Въдѣ въ послѣдней главѣ онъ хочетъ привести доказательства того, что воскресшаго Иисуса дѣйствительно видѣли, а разсказываетъ вмѣсто того, какъ было поздно, что имѣли встрѣчу съ любимымъ учителемъ; во всякомъ случаѣ они, столько разъ его видѣвшіе, не узнали его. Очевидно, существовала повѣсть, красявая и задушевная, которой хотѣлъ воспользоваться авторъ 3 го евангелія для доказательства воскресенія Иисуса изъ мертвыхъ, но которая оказалась сильнѣе его тенденцій и заняла свое особое, подобающее ей мѣсто. Смыслъ ея состоялъ въ томъ, что въ жизни мы проходимъ, не замѣчая, чудесные моменты; мы живемъ годы съ человекомъ и только когда судьба отниметъ его у насъ, мы догадываемся, что жили, встрѣчались съ ангеломъ небеснымъ, который преломлялъ съ нами хлѣбъ, спасалъ насъ, когда

мы тонули, исцѣлялъ отъ мучительной болѣзни, успокоивалъ растерзанное горемъ сердце, просвѣщалъ нашъ затемненный умъ.

Въ томъ же загадочно-мягкомъ стилѣ изображена другая стена—послѣдней трапезы Иисуса съ учениками. Только онъ одинъ знаетъ, какова ожидающая его судьба. Слугамъ, друзьямъ его невѣдомо будущее: они собираются для обычнаго пасхальнаго ужина, выбираютъ мѣсто для него по указанію учителя, они спорятъ за столomъ о первенствѣ, кто изъ нихъ выше всѣхъ. И только потомъ они открываютъ, что съ ними былъ осужденный на гибель, что онъ завѣщалъ имъ обычай вспоминать о ихъ встрѣчахъ, что онъ былъ небесный житель, лишь на краткое время дарованный имъ Богомъ.

Едва ли евангелисты сами придумали этотъ литературный образъ. Онъ сложился, вѣроятно, гораздо раньше въ средѣ, обладавшей опредѣленными привычками, понятіями и настроеніями. Вплоть до нашего времени изслѣдователи дѣлали одну и ту же ошибку, предполагая въ основѣ евангельскаго образа просвѣтителя и друга людей реальную фигуру, гениальнаго учителя, который поразилъ воображеніе ближайшаго своего круга и послужилъ такимъ образомъ прототиномъ евангелія. Но если бы дѣйствительно таково было происхожденіе евангельскаго разсказа, въ немъ имѣлось бы гораздо больше индивидуальнаго, остались бы какія-нибудь частности и мелочи, были бы намеки на личныя переживанія ближайшихъ его слугниковъ. Ничего подобнаго въ евангеліяхъ нѣтъ. Данъ лишь очень общій обликъ безконечно добраго и мудраго руководителя, который самъ не имѣетъ никакихъ слабостей; гаситъ людей не бываетъ; такъ мыслятъ только ангеловъ небесныхъ. Иными словами, образъ этотъ принадлежитъ цѣликомъ религиозному воображенію.

Вдобавокъ ко всему, въ имени галилейскаго учителя нѣтъ почти ничего реальнаго. Онъ зовется Иисусъ, безъ прибавленія, чей онъ сынъ, и безъ всякаго прозвища. А

Иисусъ—самое обычное іудейское имя, болѣе распространенное, чѣмъ у насъ Иванъ. Иисусъ, кромѣ того, имя для іудейства символическое, нарицательное. Иисусомъ звался наслѣдникъ Моисея, великій вождь, который привелъ народъ израильскій изъ египетскаго плѣна въ обѣтованную землю. Въ имени Иисусъ заключалось понятіе высшаго руководительства, спасающей боговдохновенной силы. Въ евангеліи отъ Маттея такъ мотивировано нарицаніе будущего сына Маріи и Іосифа Иисусомъ: „она родитъ сына, и ты назовешь его Иисусомъ, ибо Онъ спасетъ народъ свой отъ его грѣховъ“ (I, 21).

Наконецъ, стоитъ отмѣтить, что въ Новомъ завѣтѣ имя Иисусъ появляется въ разныхъ соединеніяхъ. Въ Дѣяніяхъ Апост. XIII, 6, упоминается по поводу поѣздки апостоловъ на о. Кипръ волшебникъ и лжепророкъ, іудей Баръ-Иисусъ. Согласно ев. отъ Маттея, XXVII, 16—17, Пилату предстоитъ отпустить, ради большого праздника, одного изъ осужденныхъ преступниковъ. У него подъ стражей заключенный въ цѣпи Иисусъ съ прозвищемъ Варава. Онъ спрашиваетъ народъ: „кого вамъ отпустить, Иисуса Варава, или Иисуса, называемаго Христомъ?“ Любопытно между прочимъ, что переводчики и Лютеръ, и русскій, который чуть ли не Лютеромъ пользовался, оба опускаютъ здѣсь имя Иисуса въ связи съ Варавой и называютъ преступника просто Варавой. Они очевидно чувствовали что-то неудобное въ этомъ сопоставленіи двухъ Иисусовъ, праведника и злодѣя, въ приложеніи имени Иисуса къ злодѣю, и рѣшились исправить священный текстъ. Изъ этого приема можно заключить, какъ свободно орудовали съ текстомъ болѣе старинные редакторы. Данный пунктъ, однако, видимо, не смущалъ ранняго христіанскаго читателя, и даже въ сопоставленіи двухъ Иисусовъ для него заключалась какая-то важная, значительная мысль.

На основаніи Дѣяній мы уже отмѣтили, что имя Иисуса, какъ святаго патрона, было весьма популярно въ религиозныхъ кружкахъ іудейства, разсѣянныхъ по про-

винціямъ. Завязка христіанства заключалась въ томъ, что Иисуса стали признавать Христомъ, т.-е. Мессіей. Объ личности, первоначально совершенно чуждыя другъ другу, были отождествлены.

Это отождествленіе произошло именно вълѣдствіе того переворота въ понятіяхъ, которое было выше описано. Военственный мессіаниззмъ съ его вѣрой въ непосредственное торжество на почвѣ самого Іерусалима рушился. Казось, Богъ послалъ новое испытаніе на свой народъ, и его избавленіе отложено на неизвѣстное будущее. Самое тяжелое въ пережитыхъ бѣдствіяхъ состоитъ въ томъ, что среди пролитой крови мучениковъ погибъ, неузнанный почти никѣмъ, величайшій пророкъ своего народа. Мессія приходилъ, но не для сіяющаго вступленія на престолъ, а для страданій вмѣстѣ со своимъ народомъ и за свой народъ.

Таковъ ходъ идей въ самыхъ общихъ чертахъ. На вопросы вѣрующихъ, какъ это могло случиться, каковы подробности страданій неузнаннаго Мессіи, что онъ училъ и о чемъ предсказывалъ, отвѣтомъ служатъ евангелія.

Тому, кто знаетъ Евангеліе лишь по урокамъ Закона Божія или по церковнымъ впечатлѣніямъ, различіе между евангелистами не кажутся существенными: дошедшіе до насъ четыре разказа представляются однимъ цѣлымъ, внутри котораго отдѣльные повѣствованія лишь дополняютъ другъ друга. Немного дальше ушли тѣ, кто получили литературное образованіе, кто читалъ Штрауса, Ренана; развѣ что образовалось у нихъ понятіе о различіи между синоптиками и четвертымъ Евангелиемъ, привычка считать первыхъ болѣе близкими къ первоначальнымъ источникамъ.

Лишь при внимательномъ анализѣ документовъ ранняго христіанства, при разборѣ ихъ, какъ литературныхъ произведеній, обнаруживается, что у каждаго изъ евангелистовъ свои особые характерныя черты. Маттей склоненъ къ умствованиямъ въ духъ раввиновъ, любить поражать іудейской ученостью, онъ болѣе всѣхъ другихъ націона-

листъ. Маркъ хочетъ подѣйствовать на воображеніе по-вѣстью о чудесныхъ дѣлахъ Іисуса, онъ главнымъ образомъ разсказчикъ. У Луки болѣе всего лиризма; онъ склоненъ къ сантиментальности, онъ хочетъ выдвинуть свое филантропическое чувство къ бѣднымъ. У каждого свои подробности, своя манера изложенія. Но для всѣхъ обязательны извѣстные эпизоды, извѣстная послѣдовательность. Одно совпаденіе у всѣхъ трехъ синоптиковъ особенно поразительно. Всѣ они предсказываютъ устами Іисуса судьбу Іерусалима (Матѣ. XXIV, Марк. XIII, Лука XXI). Въ изложеніи самаго стариннаго изъ евангелій, отъ Марка, это мѣсто звучитъ слѣдующимъ образомъ.

„Когда выйдетъ (Іисусъ) изъ храма, говоритъ ему одинъ изъ учениковъ: смотри, какіе камни и каково строеніе. А Іисусъ отвѣтилъ имъ: видите ли великое строеніе? Не останется тутъ камня на камнѣ, который бы не разрушился. Когда же Онъ сидѣлъ на Масличной горѣ противъ храма, спросили его наединѣ Петръ, Іоаннъ, Іаковъ, Андрей: скажи намъ, когда это случится, и каково предвѣстіе начала? Іисусъ отвѣтилъ: смотрите, чтобы никто не ввелъ васъ въ заблужденіе. Многіе придутъ, принявши имя мое, скажутъ, что „я есмь“ и многихъ введутъ въ заблужденіе. Когда же услышите о войнѣ и военныхъ слухахъ, не смущайтесь. Необходимо, чтобы все это случилось, но это еще не конецъ. Ибо поднимется народъ противъ народа, и царство противъ царства, и будетъ землетрясеніе въ разныхъ мѣстахъ, будетъ и голодъ.

Все это лишь начало бѣдствій. Берегитесь. Предадутъ васъ въ суды и собранія; и будутъ васъ знать на судъ начальниковъ и царей изъ-за меня, требуя вашего свѣдѣтельства. Но сначала должно быть проповѣдано евангеліе во всемъ народамъ. Когда они васъ поведутъ и предадутъ властямъ, не заботьтесь о томъ, что вамъ сказать; что будетъ вамъ внушено въ данный часъ, то и скажете. Въѣдь это будете говорить не вы, а святой духъ въ васъ. И предастъ братъ брата на смерть, и отецъ ребенка, и

возстанутъ на родителей и убьютъ ихъ. И будете вы ненавистны во всемъ народамъ изъ-за имени моего. Но тотъ, кто выдержитъ до конца, спасется.

Когда увидите мерзость запустѣнія, гдѣ оно быть не должно—читающій (это) пусть выкинетъ въ смыслъ—тогда всѣ, кто есть въ Іудеѣ, пусть бѣгутъ въ горы. Кто на крышѣ, пусть не спускается внизъ и не входитъ въ домъ, чтобы унести что-нибудь, что есть въ домѣ. Кто окажется въ полѣ, пусть не возвращается за платьемъ своимъ. Горе въ тѣ дни беременнымъ и кормящимъ грудью. Молитесь, чтобы бѣство не пришло зимой. Ибо будетъ великая печаль, какой не было съ начала міра и по сихъ поръ, и каковой никогда не будетъ. И если бы эти дни не сократилъ Господь, не учѣла бы никакая плоть; а будутъ они сокращены ради немногихъ избранныхъ. И если тогда кто-нибудь скажетъ вамъ: смотри, вотъ Христосъ, или вотъ, не вѣрьте ему. Поднимутся лжепророки и покажутъ знаменія и чудеса, чтобы, какъ только возможно, обмануть избранныхъ. Смотрите, я предрекъ вамъ все это. Но въ эти дни послѣ великаго горя, помрачится солнце, и луна не будетъ давать свѣтъ, и звѣзды упадутъ съ небесъ, и основы небесъ повернутся.

Тогда увидятъ Сына человѣческаго идущимъ въ облакахъ небесныхъ въ великой силѣ и славѣ. И пошлетъ ангеловъ своихъ и соберетъ избранныхъ со всѣхъ четирыхъ вѣтровъ, отъ края земли до края небесъ. Учитесь изъ притчи о смоковницѣ: когда наливаются ея вѣтви и распускаются листья, вы узнаете, что близко лѣто. Такъ и тутъ, когда вы увидите все это, вы узнаете, что (событія) близко у дверей. Аминь, говорю вамъ: *не умретъ это поколѣніе, пока не совершится все*. Небо и земля прейдутъ, но не прейдутъ слова мои. О днѣ и часѣ этомъ никто не знаетъ, даже ангелы небесные, даже и Сынъ, одинъ лишь Отецъ“.

Для внимательнаго читателя евангелій это мѣсто не можетъ не казаться поразительнымъ. Оно какъ будто

совсѣмъ не вяжется съ остальнымъ изложеніемъ. Оно прерываетъ разсказъ о событіяхъ и говорить о томъ, что предстоитъ. Оно приподнимаетъ завѣсу надъ будущимъ и является откровеніемъ, апокалипсой. Поэтому въ науцѣ принято называть его малой апокалипсой по сходству съ большою апокалипсой Іоанна. Весь отрывокъ составляетъ явно чужеродное тѣло въ евангеліи. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что евангелисты не могутъ безъ него обойтись; для нихъ онъ имѣетъ первостепенное значеніе.

Какой смыслъ имѣло включеніе апокалипсы въ евангеліе? Мы находимъ здѣсь совѣты вѣрующимъ, какъ держать себя во время войны, какъ поступать въ случаѣ преслѣдованій, что говорить на судѣ. Эти воззванія къ единомышленникамъ, призывы къ терпѣнію, утѣшающія слова вѣдунуты въ плачъ о Іерусалимѣ, въ описаніе великаго національнаго горя, неслыханныхъ бѣдъ иудеевъ въ эпоху разгрома страны. А эти странницы въ свою очередь, повидимому, написаны скоро послѣ подавленія возстанія, когда многіе ждали, что аналогичныя событія могутъ повториться. „Будутъ великія бѣдствія, но это еще не конецъ“. И произойдетъ все очень скоро. „Не умретъ это поколѣніе, пока не совершится все“.

Написавшій эти страницы авторъ недавно только пережилъ тяжкій кризисъ; ему кажется, что къ кровавой бойнѣ, къ столкновенію народовъ примкнули физическія бѣдствія, страшныя землетрясенія и голодъ. Онъ — горячій патріотъ; до послѣдней минуты онъ не считалъ возможнымъ покидать почву родной страны, и только когда положеніе стало безнадежнымъ, рѣшился онъ бѣжать. Затѣмъ видна еще другая сторона въ убѣжденіяхъ автора малой апокалипсы. Онъ — мессіанистъ и притомъ очень исключительный. Среди многихъ, кто будетъ называть себя Мессіей, помазаникомъ Божиимъ, главою теокраціи, онъ готовъ признать лишь одного истиннаго; всѣ остальные — лжепророки.

Передъ нами — документъ революціонной эпохи. Еванге-

листы-синоптики усваиваютъ его и вводятъ въ свой текстъ, по очень важному для нихъ соображенію. Въд только такимъ путемъ и можно было показать, что сюжетъ евангелія тѣсно связанъ съ моментомъ національнаго страданія и возрожденія; только такимъ способомъ евангелисты могли вдвинуть своего героя въ эпоху великой національной драмы. Очень характерно, что авторъ четвертаго евангелія, который уже далеко отъ націонализма, у котораго Іисусъ не Мессія, а воплощенный Разумъ Божій, опускаетъ вовсе малую апокалипсу. У него нѣтъ сцены, гдѣ Іисусъ смотритъ съ учениками на великолѣпный храмъ и предсказаетъ гибель знанія. Для четвертаго евангелиста храмъ есть символъ Тѣла Господня.

Совсѣмъ не то синоптики, которые сами полны націонализма и ищутъ для общества, проникнутаго національными воспоминаніями. Поэтому они и усваиваютъ апокалипсу, какъ бы перекидывая мостъ къ другому берегу. Мало того, они стараются еще провести новую мысль, озарившую іудейскія и іудейско-греческія общины. Плачъ о великомъ народномъ бѣдствіи у синоптиковъ помѣщенъ въ опредѣленную обстановку передъ разсказомъ о Страстяхъ Господнихъ. Іисусъ самъ предсказываетъ судьбу рода, храма и своихъ послѣдователей. Воззваніе къ пострадавшимъ отъ великаго національнаго бѣдствія влагается въ уста перваго мученика. Въ этомъ молчаливомъ сопоставленіи скрыта многозначительная мысль. Евангелистъ какъ бы хочетъ сказать: гибель невиннаго праведника есть преддверіе и знаменіе предстоящаго великаго національнаго горя. Умираетъ лучший представитель своего народа, носитель его идеаловъ.

То, что у синоптиковъ еще только робко намѣчено, въ четвертомъ евангеліи высказано болѣе откровенно, но вложено въ уста злодѣю драмы. Первосвященники и фарисеи, собравшіеся на совѣтъ, недоумѣваютъ, что имъ дѣлать: „этотъ человекъ (Іисусъ) творитъ слишкомъ много знаменій. Если мы оставимъ его въ покоѣ, всѣ повѣ-

рять въ него. Тогда придуть римляне и возьмутъ у насъ землю и людей. Но одинъ изъ нихъ, Каифа, который былъ въ этотъ годъ первосвященникомъ, сказалъ имъ: вы ничего не знаете и ни о чемъ не думаете. Лучше намъ, чтобы *умеръ одинъ человекъ за народъ*, чѣмъ чтобы весь народъ погибъ. Но онъ говорилъ это не отъ себя, а потому, что былъ въ тотъ годъ первосвященникомъ, онъ предсказалъ, что хочетъ Иисусъ умереть за свой народъ и не только за народъ, но и для того, чтобы собрать воедино дѣтей Божіихъ, которыхъ разсыялъ”.

Понемногу передъ нами открывается работа мысли, проиходившая въ тѣхъ кругахъ, для которыхъ писались евангелія. Эти круги восприняли впечатлѣнія іудейской революціи и сохранили съ нею связи, хотя многое, что занимало участниковъ возстанія, было забыто въ эмиграціи и въ средѣ провинціальныхъ общинъ. Они остались въ оппозиціи къ завоевателямъ. Своего святого, своего воплощеннаго бога они старались представить первой жертвой террора, первымъ мученикомъ, пострадавшимъ за свой народъ. Четвертый евангелистъ помогаетъ намъ понять синоптиковъ. У него уже нѣтъ самостоятельныхъ исканій, нѣтъ и близости къ непосредственнымъ источникамъ. Онъ составляетъ свои сужденія по матеріалу, собранному другими. Иногда онъ по-своему перерабатываетъ данныя синоптиковъ, иногда дѣлаетъ изъ нихъ выводы, доканчиваетъ то, что они намѣтили и не высказали. Тѣмъ, какъ онъ истолковалъ синоптиковъ въ вопросѣ о смерти Иисуса, онъ показываетъ, что мы вѣрно ихъ поняли. “Иисусъ долженъ умереть за свой народъ и не только за народъ, но и для того, чтобы собрать воедино дѣтей Божіихъ, которыхъ разсыялъ” — вотъ выводъ, сдѣланный четвертымъ евангелистомъ изъ построеній своихъ предшественниковъ.

Если бы мы теперь спросили, въ чемъ же заключается главный знакъ связи раннихъ христіанъ съ іудейской революціей, то пришлось бы отвѣтить, что основной символъ

лежитъ въ имени Христа; рѣшающій выводъ, на которомъ построена композиція евангелія, состоитъ въ томъ, что почитатели Иисуса соединили своего бога-покровителя религиозныхъ союзовъ съ Мессіей. Мы такъ привыкли слышать эти два образа въ одно лицо, называть это лицо “Иисусъ Христосъ” единымъ духомъ, что никому теперь и въ голову не приходитъ подумать, какой трудной работы стоило это отождествленіе, въ какой мѣрѣ работы стоило это отождествленіе, въ какой мѣрѣ не сразу оно далось, съ какими препятствіями боролись евангелисты. Можетъ быть, тѣ, кто никогда не изучалъ текста евангелій, не подозреваютъ, насколько рѣдко тамъ появляется Христосъ, до какой степени преобладаетъ Иисусъ, и какъ неуловимо связаны оба лица другъ съ другомъ.

Въ евангеліи отъ Марка, самомъ раннемъ, имя Иисуса встрѣчается 80 разъ, имя Христа всего 7 разъ. Собственно евангеліе рассказываетъ объ Иисусѣ. Иисусъ творитъ чудеса, учитъ народъ, предсказываетъ свою смерть, переходитъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, терпитъ мученія и воскресаетъ. Не надо думать, что будто Иисусъ носитъ болѣе человѣческія черты, а Христосъ — болѣе божескія. Такого различія нѣтъ. У Марка V, 7 Иисусъ названъ “сыномъ вышняго Бога”. Въ самые отвѣтственные, возвышенные моменты рѣчь идетъ объ Иисусѣ: такъ, напр., при торжественномъ въѣздѣ въ Іерусалимъ, при допросѣ у первосвященника, при распятіи. Въ гл. XVI, 6 ангелъ говоритъ женамъ-мироносицамъ, пришедшимъ ко гробу: “вы ищите Иисуса распятаго?”.

Для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, какой смыслъ имѣетъ имя Христа, и ради чего вводится оно въ евангеліе, необходимо въ отвлѣченности пересмотрѣть тѣ 7 мѣстъ, гдѣ у Марка упоминается это имя.

1. Въ первой главѣ Христосъ стоитъ въ заголовкѣ. “Такъ начинается евангеліе Иисуса Христа, сына Божія”. Это упоминаніе весьма невыразительно. Оно только показываетъ намѣреніе автора евангелія соединить два лица

въ одно. Какимъ способомъ это дѣлается, мы увидимъ только изъ слѣдующихъ мѣстъ.

2. Въ первыхъ семи главахъ Христосъ не упоминается. Въ гл. VIII, 27—33 о Христѣ говорится въ слѣдующей своеобразной формѣ. „По дорогѣ (въ Цезарею Филиппи) Иисусъ спрашиваетъ учениковъ: кѣмъ зовутъ меня люди? Они отвѣчали, что иные Іоанномъ Крестителемъ, другіе Іліей, иные однимъ изъ пророковъ. Онъ же спросилъ ихъ: а вы кѣмъ меня считаете? Петръ отвѣтилъ: Ты Христосъ. И запретилъ онъ имъ говорить объ этомъ кому-либо. И началъ поучать ихъ, что Сыну человѣческому должно много пострадать и быть убитымъ и послѣ трехъ архiereями и книжниками и быть убитымъ и послѣ трехъ дней воскреснуть. Эти слова онъ сказалъ открыто. А Петръ отвѣлъ его въ сторону и сталъ удерживать. Но Иисусъ обернулся и, взглянувъ на учениковъ (въ свою очередь), погрозилъ Петру, сказавши: „уйди отъ меня, сатана; потому что ты думаешь не о божескомъ, а о человеческомъ“.

3. Въ отвѣтъ на споры учениковъ между собою, кто изъ нихъ первый, Иисусъ говоритъ (IX, 41): „кто вась напоить водою во имя того, что вы—Христовы, тотъ не потеряетъ своей заслуги“.

4. Во время бесѣды во храмѣ, Иисусъ спрашиваетъ окружающихъ (XII, 35—37): „какъ это говорятъ книжники, что Христосъ—сынъ Давида? А Давидъ сказалъ въ святомъ вдохновеніи: говорить Господь моему господину, садь по правую сторону, чтобы я положилъ враговъ къ ногамъ твоимъ. Самъ Давидъ называетъ его господиномъ, какимъ же образомъ онъ его сынъ?“—Отвѣта нѣтъ, богословская загадка остается неразрѣшенной.

5. Въ картинѣ паденія Іерусалима, такъ наз. малой апокалипсисъ, говорится (XIII, 21): „берегитесь; вамъ будутъ говорить, смотрите, вотъ Христосъ; не вѣрете, будете много лжепророковъ“.

6. Происходить судъ надъ Иисусомъ (XIV, 55—64).

Судьи стараются найти тяжкія обвиненія, чтобы добиться казни. Выступаютъ лжесвидѣтели, между прочимъ приписывающіе Иисусу слова о томъ, что онъ разрушитъ храмъ и опять воздвигнетъ его въ три дня. Но ихъ показанія не сходятся, и Иисусъ молчитъ, не давая отвѣта. Тогда первосвященникъ, какъ бы потерявъ терпѣніе, задаетъ обвиняемому вопросъ, носящій характеръ вызова: „ты ли Христосъ, сынъ Благословеннаго?“ Иисусъ же отвѣтилъ: „Да, я; и вы увидите сына человѣческаго сидящимъ по правую руку моши и грядущимъ въ облакахъ небесныхъ“. Перво-священникъ, разорвавъ одежду, воскликнулъ: какая намъ нужна въ свидѣтеляхъ; вы слышали богохульство; что вы думаете? Всѣ рѣшили, что онъ достоинъ смерти.

7. У креста происходитъ слѣдующее. Книжники и фарисеи издѣваются надъ распятымъ (XV, 31—32): „другихъ онъ спасалъ, себя не можетъ спасти; вотъ онъ—Христосъ, царь Ізраиля; пусть сойдетъ онъ теперь съ креста, чтобы мы видѣли и повѣрили“.

Певельно поражаетъ, насколько слабо обосновано утверждение, что Иисусъ и есть Христосъ. Вѣдь, согласно изображенію евангелія, самъ Иисусъ не распространяетъ, что онъ Христосъ. Напротивъ, это—тайна, и когда Петръ выказываетъ ее, Иисусъ немедленно строжайше воспрещаетъ ее разглашать. Особенно любопытно представленъ судебный процессъ, въ которомъ упоминается имя Христа. Самъ Иисусъ молчитъ, не отвѣчаетъ на обвиненія; показанія свидѣтелей не сходятся. Не видно, чтобы ему ставили въ вину именованіе себя Мессіей, Христомъ. Евангелистъ хотѣлъ сказать, что нельзя было ни на что сослаться, ни на одно собственное утвержденіе Иисуса; два раза повторено, что показанія свидѣтелей не сходились, т.-е. не имѣли никакой цѣны, были чистыми выдумками. И вотъ первосвященникъ хватается какъ бы за послѣднее средство; своимъ вопросомъ онъ вызываетъ Иисуса и заставляетъ выдать тайну.

Иисуса вовсе не судятъ за предшествующія дѣла или

за проповѣдь. Его осуждаютъ внезапно за признание, которое онъ сдѣлалъ при допросѣ, не желая смолчать на прямое къ нему обращеніе.

Въ цѣломъ изображеніе процесса въ евангеліи производитъ странное впечатлѣніе. Евангелистъ какъ будто вводитъ судъ надъ Иисусомъ въ свое повѣствованіе только для того, чтобы обосновать, что Иисусъ есть Христосъ. Разсказъ о процессѣ передъ собраніемъ священниковъ и книжниковъ составляетъ особый приемъ доказательства этого тождества. Неувѣренность, которую при этомъ проявляютъ авторъ, показываетъ, что приходилось не только убѣждать читателей, но убѣждать и самого себя.

Лишь пристальное изученіе евангелій открываетъ намъ, сколько въ основѣ ихъ заложено душевной заботы, сомнѣній, мучительнаго исканія истины, сколько жадны помятъ загадки эпохи, рѣшить жуткіе вопросы, связанные съ національно-религіозной катастрофой. Въ той же мѣрѣ больно было переживать кризисъ, какъ было трудно найти изъ нея идейный выходъ. Въ самомъ дѣлѣ: если Мессія уже приходилъ, уже пострадалъ за свой народъ, то что же ожидаетъ вѣрующихъ въ будущемъ?

Посмотримъ, какъ старается на это отвѣтить евангелистъ. Въ малой апокалипсѣ сказано: „многіе придутъ подъ моимъ именемъ... Вамъ будутъ говорить: вотъ Христосъ, или вотъ онъ—не вѣрьте. Появятся лжепророки. Но это еще не все, это еще не конецъ“. То-есть, иначе говоря, прішествіе Христа во славу, прішествіе открытое еще предстоитъ. Вѣра въ Христа, въ Мессію, не исчезла. До сихъ поръ не было настоящаго, Богомъ избраннаго спасителя народа. Тѣ, которые объявляли себя народными царями въ родѣ Баркохбы, погибли, значитъ были Христы не настоящіе. Но въ то же время евангелистъ хочетъ видѣть Христа въ Иисусѣ. Однако Иисусъ погибъ также. Почему же онъ истинный? Есть только одна возможность обосновать положеніе, а именно признавши, что въ лицѣ Иисуса Христосъ остался неузнаннымъ. Его при-

ходъ былъ предварительнымъ, для небольшого лишь круга избранныхъ. За нимъ послѣдуетъ настоящее прішествіе во славу, и тогда будутъ торжествовать тѣ, кто узналъ его уже въ первый его приходъ, тѣ, которые были „порванными, его возлюбившими“.

Евангелистъ Матѳей пытается оправдать эту новую теорію прецедентами. Въ XVII главѣ разсказывается преображеніе на горѣ, свидѣтелями котораго были только ближайшіе ученики: Петръ, Іоаннъ и Іаковъ. Они видятъ Иисуса въ обществѣ двухъ величайшихъ и популярнѣйшихъ пророковъ, Ісаи и Моисея. Когда они сходятъ съ горы, Иисусъ строго предписываетъ имъ: „никому не говорите, пока Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ“. А ученики спросили его: „какъ же ученые богословы говорятъ, что сначала Ілия придетъ?“ Иисусъ подтверждаетъ: да, Ілия придетъ и все возстановитъ. Но я говорю вамъ: „Ілія уже приходилъ и не узнала его, но сдѣлали съ нимъ, что хотѣли. Такъ и Сынъ человѣческій долженъ будетъ отъ нихъ пострадать“. Ученики же поняли, что онъ говоритъ о Іоаннѣ Крестителѣ.

Евангелистъ хочетъ сказать: наша богословская теорія вполнѣ вѣрна; теперь—эпоха новыхъ воплощеній древнихъ пророковъ; Іоаннъ и Иисусъ составляютъ такіа новыя воплощенія; но ихъ не признали и они погибли. Эти пророки были вѣстниками возрожденія, но народъ не созрѣлъ для ихъ проповѣди, и они сами пострадали. Если когда-нибудь настанетъ настоящее возрожденіе, воскреснетъ и величайшій изъ пророковъ и станетъ вождемъ и царемъ народа.

Если мы правильно объяснили ходъ мыслей евангелиста, станеть понятно и ученіе о *второмъ* прішествіи. До катастрофы Іерусалима и до работы евангелистовъ приходъ Мессіи, или Христа, считался единственнымъ, одинъ разъ только возможнымъ актомъ. Въ эпоху возстанія многие, какъ это упоминается въ апокалипсѣ, говорили: „вотъ Христосъ“ или „я—Христосъ“. Но евангелистъ предостере-

реветъ: „не вѣрите, это—не настоящій Христосъ, это—лжепророки. Еще не наступилъ конецъ, истинный Христосъ впереди. Зато—привлекаетъ онъ—вы, заблуждающиеся, не замѣтили, что Христосъ уже разъ являлся. Но онъ остался неузнаннымъ, хотя ближайшіе къ нему люди догадывались, кто ихъ учитель“.

Слѣдъ, отрицаніе Мессіи въ настоящемъ, отрицаніе всѣхъ Мессій эфемерныхъ, конкретныхъ привело къ признанію двухъ моментовъ и двухъ лицъ—однѣ въ прошломъ, не признанный въ своемъ отечествѣ пророкъ, загубленный слѣпой толпой, лицемерными свѣщенниками и богословами; другой—въ будущемъ, подобный торжествующему императору, живой для всѣхъ, кто не отчаялся въ возрожденіи народа.

Мессіаниззмъ ко времени составленія евангелій сильно переродился. Исчезла, вывѣтрилась революціонная вѣра въ національное возрожденіе, въ близкое торжество избраннаго народа. Осталась слабая неопредѣленная надежда на будущее, остались поныни утраченныхъ слѣдовъ дѣятельности пророка, недавно погибшаго. Можно предъставить себѣ бесѣды, въ которыхъ богосказателямъ, разбогавшимъ надъ составленіемъ евангелій, предлагаютъ вопросы: „скажите, являлся ли Христосъ раньше? Въ комъ воплотился онъ и какъ звался онъ?“ Евангелисты должны были откровенно отвѣтить: „мы хотимъ вѣрить, что это напѣ Іисусъ!“ Дальше могъ быть заданъ новый вопросъ: „разскажите все, что вы о немъ знаете?“ Подробнымъ отвѣтомъ служить композиція Евангелія, въ которомъ есть старательно, съ любовью подобранныя легенды, есть попытки найти историческія и богословскія опоры, есть стремленіе нарисовать живой образъ странствующаго проповѣдника и цѣлителя, есть, наконецъ, воспоминанія о національномъ горѣ и обѣщанія будущаго торжества.

Возникновеніе христіанства нельзя себѣ представить безъ іудейской революціи. Его движущая сила — впечат-

лѣнія великаго возстанія. Ихъ слѣдомъ, ихъ свидѣтельствомъ служатъ среди новозавѣдныхъ книгъ откровеніе Іоанна, непосредственный обломокъ литературы возстанія. Въ евангеліяхъ такой связью служатъ малыя апокалипсы, затѣмъ имя Христа и связанная съ именемъ мысль, что Спаситель пострадалъ за свой народъ.

Но мѣръ отдаленія отъ эпохи революціи эти мысли показываютъ болѣе отвлеченный характеръ. Христосъ изъ израильскаго Мессіи становится собирателемъ разбѣянной наравы Божіей. Ожиданіе его прихода во славу перестаетъ быть непосредственнымъ горячимъ чувствомъ живыхъ поколѣній, которыя вѣрили, что дождутся торжества. Оно превращается въ речность къ пропагандѣ, къ расширенію союза зѣлующихъ.